
Зигзаги
Судьбы.
Распад

Зигзаги судьбы

евгений пронин

Зигзаги Судьбы. Распад

«Автор»
2026

пронин е.

Зигзаги Судьбы. Распад / е. пронин — «Автор»,
2026 — (Зигзаги судьбы)

Эта книга посвящается им. Тем, кто принял присягу мертвой стране, но продолжил служить живой земле, на которой родились их дети. Службе заставы на краю пропасти. Комитету государственной безопасности Советского Союза, которого хватило ровно настолько, чтобы ядерное наследство не разлетелось по миру в багажниках подержанных иномарок. Продолжение серии Зигзаги судьбы. Страна рушится. А молодой оперативник КГБ продолжает свою службу по сохранению стратегического запаса.

© пронин е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Конец ознакомительного фрагмента. 24

евгений пронин
Зигзаги Судьбы. Распад

Глава 1

Зигзаги судьбы.
Книга вторая. Распад
Глава первая. След из прошлого.

Папка с материалами дела «Металлисты» разбухла до толщины трехпальцевого бруса. Третьи сутки после ночного перехвата на станции Защита штабной кабинет жил в режиме непрерывной конвейерной сборки: накладные Михалыча со следами мазута и заводскими штампами строгой отчетности, пухлые кассовые книги кооператива «Импульс», протоколы допросов водителей Седого и Косого, исписанные мелким убористым почерком следователей, описи изъятого металла.

На стене, прижатый к деревянной рейке четырьмя канцелярскими кнопками, висел лист ватмана. Я расчертил его черной тушью, как принципиальную электрическую схему автоматической защиты, к которым привык за годы инженерной работы на комбинате.

Снизу-вверх, шли функциональные блоки. Низовое звено: уличные приемщики вроде Хакима, цеховые несуны, таксисты-челноки, Валет на весах у шламонакопителя, кладовщик закрытого склада Михалыч. Дальше, повышающий трансформатор: база «Вторчермета» на улице Красина, директор Тленшин, фальшивые накладные на бой магнезита, два большегрузных «КамАЗа» с наращёнными бортами. Сбоку, в виде шунтирующей цепи прикрытия, милицейский узел Ситникова: дежурка горотдела, посты ДПС на выездах, майор ОБХСС. Выше — распределитель: тупик номер семь, пульмановский вагон, перецепка на сортировочной горке в Челябинске и прямой выход на Таллинский морской порт.

Схема была согласована и герметична. Все стрелки вели снизу доверху без единого разрыва, за исключением самой верхней точки. Там, где контур должен был соединиться с главным рубильником, линия туши обрывалась в пустоту. Белое пятно ватмана, заклеенное обрезком чистой бумаги. Фамилия Долинского осталась запертой в бронированном сейфе генерала Тургумбаева, и приказом по Управлению вход туда был замурован наглухо.

Жуков стоял у сейфа, привалившись плечом к холодной металлической стенке. Пальто его висело на спинке стула, пиджак был расстегнут, а под воспаленными от бессонницы веками залегла сизая тень. Он держал в руках тонкую канцелярскую тетрадь и докладывал хриплым, прокуренным голосом, мерно, выбивая факты, как телетайпную дробь:

— По низам разработка закреплена полностью. Седой и Косой раскололись до самого донышка. Подтвердили ночные рейсы, маршрут от Красина до седьмого тупика, расценки за молчание. Валет в изоляторе дал развернутые показания по навеске и списанию спецпартий. Тленшин вину признает частично, валит всё на прибалтов, но подписи под накладными свои признал. Пульман с танталом с путей убран, загнан в тупик военного завода под двойной конвой комендантской роты. Военная приемка закончила перевеску: тридцать шесть коробов, заводская маркировка цела, вес нетто — девятьсот семьдесят восемь килограммов и четыреста граммов оборонного сырья. Ни грамма на сторону не ушло.

Я слушал Жукова, сверяя его слова с цифрами в раскрытых папках, и держал в уме то, что не вошло в его короткие тезисы.

— По финансовому блоку контур тоже закрыт, — добавил я, глядя на Зимина через стол. — Фигурант, который на пленках телефонного перехвата проходил как «Артист», оконча-

тельно идентифицирован. Это Лапшин. Тот самый плешивый бухгалтер из «Импульса», которого брали в конторе с цинковым ведром горящих бумаг.

Зимин поднял тяжелый взгляд от бумаг:

— Почему «Артист»?

— Работяги на базе так прозвали, — ответил я. — Лапшин любую липовую отчетность мог на коленке нарисовать за двадцать минут, как по нотам. Его дожали во втором отделе. Он выложил всю раскладку движения денег: безналичные переводы со счетов комбината списывались через фиктивные договоры подряда на ликвидацию последствий аварии в бериллиевом корпусе. Якобы кооператив вывозил зараженные металлоконструкции и строительный мусор на дальние шламоотвалы. Под этот мусор и оформлялся вывоз тантала. Деньги отмывали через сберкассы в Лениногорске и личные счета Реброва, обналичивали частями по пять и десять тысяч рублей. Счета арестованы, бухгалтерские книги изъяты. Ситников свою сетку в милиции тоже сдал без остатка: капитан Кривцов из дежурной части и лейтенант Баймагамбетов из ГАИ уже отстранены от дежурств, материалы по ним выделены в отдельное производство.

— То есть активная фаза всё? — спросил Жуков, с хрустом разминая затекшую шею. — Сеть накрыта, груз на складе, исполнители по камерам. Дальше — чистая процессуальная рутина. Допросы, очные ставки, экспертизы, передача в следственный отдел.

Подполковник Зимин сидел напротив нас, не шевелясь. Перед ним лежала итоговая оперативная справка — пять листов плотного машинописного текста через полтора интервала, где были подбиты все результаты трехнедельной разработки. Внизу белело пустое поле с типографской чертой: «Начальник отдела УКГБ подполковник Зимин А.В.». Рядом с бланком лежала его массивная авторучка с золоченым пером.

Я ждал, что он снимет колпачок, размашисто поставит подпись, захлопнет картонную обложку и отправит нас по домам — впервые за четверо суток поспать не на казенных стульях.

Зимин перевернул последнюю страницу, пробежал глазами резолютивную часть. Но ручку не взял.

Его пальцы, сухие, с пожелтевшими от никотина подушечками, медленно легли на край стола. Лицо подполковника казалось вытесанным из серого песчаника — ни раздражения, ни торжества, только та глухая, въевшаяся в поры усталость, от которой не спасают ни крепкий чай, ни валидол.

— Складно начертил, Громов, — негромко произнес он, кивнув на ватман. — Четко. Как на защите диплома в политехе. Все проводки сошлись, сопротивление в цепи нулевое, лампочка загорелась.

Он помолчал, разглядывая пустую графу подписи, и покачал головой:

— Только подписывать закрытие дела я не буду.

В кабинете повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно, как в чугунной батарее под подоконником глухо булькает остывающая вода.

— Это почему еще? — Жуков даже опешил, сделав шаг от сейфа к столу. — Все фигуранты в камере. Накладные на руках, металл изъят, признания записаны под протокол. Что тут еще крутить? Следственный отдел уже копытом бьет, требует передавать материалы, пока городская прокуратура палки в колеса не вставила.

Зимин медленно поднял глаза на капитана:

— А потому, Виталий Леонидович, что «Металлисты» — это всего лишь одна нитка. Один рукав из целой реки. Вы уткнулись носом в базу Махсуда, вцепились в этот несчастный пульман на Защите и думаете, что спасли оборонку области?

Он пододвинул к себе лежавшую с краю тонкую серую папку без грифов, раскрыл ее и бросил поверх чистовой справки несколько тонких машинописных листков на дешевой бумаге.

— Сводки за последние двое суток, — отчеканил Зимин. — Читайте, если глаза не ослепли. В Лениногорске с обогатительной фабрики полиметаллического комбината за неделю

вывезено сорок тонн свинцового концентрата. Списано как технологический брак. В титано-магниевом на третьем переделе пропало два контейнера с губчатым титаном высокой чистоты — охрана на проходной даже журнал не открывала, ворота распахнули по звонку из горисполкома. На заводах оборудование режут на цветмет, под видом модернизации производства. Складируют прямо в частном секторе за Ульбой, а по ночам фурами тащат на Рубцовск и Барнаул.

Подполковник тяжело опёрся локтями о стол, наклонившись к нам:

— Пока мы сидели в засадах, пасли водителей Седого с Косым и трясли торгаша Тленшина, мимо нас составами вывозили цветной лом, редкие металлы и стратегические сплавы. Всё, что годами копилось на складах мобилизационного резерва, сейчас растаскивают по сараям и кооперативным гаражам. Страна рассыпается, законы не действуют, милиция куплена с потрохами. Если мы сейчас закроем производство и уйдем писать отчеты для алматинского архива — через месяц на заводах останутся одни голые стены.

Жуков скривился, словно от резкой зубной боли. Он бросил свою тетрадь на край стола, и она шлепнулась о полированное дерево с сухим, злым звуком:

— Побойтесь бога! Оперативники трое суток на ногах! Люди в дежурке на шинелях спят по два часа, жрут холодную тушенку прямо из банок! Мы вывернули эту сеть наизнанку, взяли начальника криминальной милиции города! Дело надо шить, процессуально закреплять, тащить в суд! Если мы сейчас бросим следствие и побежим по новым адресам — прокурорские адвокаты через неделю выпустят Махсуда под подписку, Лапшин откажется от показаний, заявит, что мы из него признания под дулом пистолета выбивали! Вы хотите дело развалить ради новых показателей?!

Зимин слушал капитана не перебивая, не меняя позы. Взгляд его оставался холодным, давящим, как гранитная плита.

Я стоял рядом, чувствуя, как внутри нарастает тяжелое, сухое раздражение. Техническая логика происходящего требовала честности, а не красивых лозунгов о спасении социалистической собственности.

— Жуков прав, товарищ подполковник, — сказал я, и мой голос прозвучал подчеркнуто ровно, словно отчет по приборам. — Людей на две разработки у нас нет. Но дело даже не в людях и не в усталости.

Зимин перевел взгляд на меня:

— В чем же, старший лейтенант?

Я повернулся и указал пальцем на ватман за спиной — прямо на белое пятно над Таллиннским портом:

— Дело в потолке. Мы собрали схему снизу доверху. Выбили низы, сняли прокладку из кооператоров, зажали милицейское прикрытие. А на самом верху — стена. Бетонная. Имя человека, который подписал финский контракт и открыл границу, заперто в сейфе генерала под тремя замками. Нам прямо приказали: наверх не лезть, фамилию Долинского забыть, сделать вид, что эшелон уходил в никуда.

Я шагнул ближе к столу, глядя подполковнику прямо в глаза:

— Если мы сейчас пойдем по новым базам, в Лениногорск или на титано-магниевый... что мы там найдем? Таких же скупщиков в телогрейках? Таких же перепуганных кладовщиков вроде Михалыча? Ну, снимем еще десять тонн свинца или меди. Дойдем до расчетных счетов кооперативов. А дальше? Дальше мы снова упремся в очередного замминистра, члена правительства или секретаря ЦК, который переводит оборонные резервы в иностранные банки под вывеской совместных предприятий. И генерал снова снимет трубку ВЧ, поговорит с Алма-Атой и запретит трогать верхнее звено. Зачем строить новые схемы, если верхняя клемма в них всегда будет отрезана? Чтобы в очередной раз сажать пешек, пока хозяева делят валюту?

В комнате снова стало тихо. На этот раз тишина была острой, натянутой до предела. Жуков замер, глядя на меня с кривой, горькой усмешкой — он думал точно так же, но как кадровый служака не решался сформулировать это вслух перед начальником отдела.

Зимин медленно выпрямился. Его широкие плечи расправились, форменный китель натянулся на груди. Ни тени смущения, ни раздражения на слова подчиненного на его лице не проступило. Он слишком давно служил в этой системе, чтобы обижаться на очевидную правду.

— Складно рассуждаешь, инженер, — произнес подполковник тихо, но каждое слово падало весомо и жестко. — Логично. Только логика твоя — пораженческая.

Он поднялся из-за стола, подошел к окну и встал спиной к нам, заложив руки за спину. За стеклом серый ноябрьский день окончательно уступал место мутным сумеркам; городские фонари зажигались через один, а над трубами свинцового завода висел бурый, удушливый смог.

— Думать за генералов, за председателя Комитета и за правительство республики тебе по штатному расписанию не положено, старший лейтенант Громов, — не оборачиваясь, заговорил Зимин. — Мое дело, ставить боевую задачу. Ваше, выполнять ее в границах предоставленных полномочий. Если Долинский пока сидит в правительстве, это вопрос большой политики и того бардака, который творится наверху. А наш рубеж здесь. На земле.

Он резко повернулся к нам, окинув обоих тяжелым, непреклонным взглядом:

— Если мы с вами бросим этот забор, потому что наверху воруют... если решим, что раз генералы закрывают глаза на министров, то и нам можно пойти по домам спать... города не будет. Заводов не будет. Склады разнесут по кирпичам за полгода, а уран и тантал начнут продавать на городском базаре в банках из-под майонеза. Мы здесь не советскую власть спасаем, товарищи офицеры. И не правительство в Алма-Ате. Мы держим последнюю границу между порядком и полной уголовщиной. И держать ее будем столько, на сколько хватит сил.

Зимин вернулся к столу. Движением скупым и точным он взял авторучку, подтянул к себе чистый служебный бланк и размашисто, без колебаний написал в шапке: «Постановление о формировании постоянной оперативно-следственной группы по противодействию незаконному обороту стратегических материалов и цветных металлов».

Перо скрипнуло по бумаге, выводя дату и подпись. Густые синие чернила легли четко, припечатывая решение.

Затем подполковник открыл нижний ящик своего стола, достал оттуда тонкий машинописный лист, отпечатанный на синей копирке, и положил его поверх моих папок.

— Вот список, Громов. Первая обойма.

Я опустил глаза на текст.

Шесть адресов. Гаражно-строительный кооператив «Восток-4» на окраине поселка Красина — нелегальный цех переплавки медного кабеля. Складская площадка арматурного завода в промзоне — перевалка неликвидов под видом лома черных металлов. Станция Усть-Каменогорск — два тупиковых пути, где отстаиваются цистерны с техническими растворами редких металлов. Кооператив «Ритм» при комбинате... Фамилии директоров, клички скупщиков, номера дежурных машин.

— Дело «Металлисты» передать в следственный отдел к завтрашнему утру, — приказал Зимин, глядя на нас в упор. — Оставить Жукову двух следователей на дооформление протоколов. Остальной состав группы с восьми ноль-ноль переходит на отработку объектов по списку. Громов — старший по оперативной проверке железнодорожных подъездов. Вопросы есть?

— Никаких вопросов, товарищ подполковник, — хрипло ответил Жуков. Голос его звучал глухо, но бунт угас. Старая военная дисциплина взяла свое: приказ был отдан, границы расставлены, спорить больше не имело смысла.

— Выполняйте, — отрезал Зимин.

Я взял со стола лист с синей копиркой. Бумага была шершавой, пахла пылью пишущей машинки.

Я посмотрел на ватман на стене. На вычерченную тушью схему, где каждый винтик механизма занял свое расчетное место, где каждый провод был зачищен, а каждая цепь замкнута. Я потратил на нее месяц жизни, выбивал накладные у пуганого Михалыча, мерз в засадах у шламонакопителя, давал слово Ситникову в холодной машине. Мне казалось — еще одно усилие, последний щелчок тумблера, и машина остановится, контур погаснет, а мы сможем выдохнуть и подвести черту.

Но никакой черты не было.

Я сжал в пальцах тонкий лист с новыми адресами складов, переездов и воровских притонов. То, что мы только что сделали — задержали эшелон, арестовали три десятка человек и уложили в папки сотни протоколов, — было не финалом операции. Это была всего лишь первая строчка в бесконечной описи гибнущего государственного имущества.

За окном окончательно стемнело. Из заводских труб в морозную мглу снова повалил тяжелый белесый дым, накрывая город ядовитым саваном, а мы оставались внутри этого периметра — офицеры исчезающей страны, приговоренные охранять ее мерзлые склады до самого конца.

Кассовая книга кооператива «Импульс» не сходилась на шестьдесят четыре тысячи рублей.

Я сидел один за приставным столом, положив слева стопку банковских мемориальных ордеров, а справа — копии железнодорожных накладных со штампами станции Защита. Зеленый жестяной плафон лампы отбрасывал на бумагу узкий круг света, за пределами которого кабинет тонул в холодной полутьме. Чугунная батарея под окном давно замолчала: котельная снова сбросила давление пара, и от подоконника тянуло сырым, промозглым сквозняком.

Инженерная привычка не терпела приблизительности. В любой замкнутой системе баланс на входе обязан равняться балансу на выходе. Если где-то пробивало изоляцию, стрелка амперметра дергалась. В гроссбухах бухгалтера Лапшина такой стрелкой стали три платежных поручения от шестнадцатого октября. Они ушли в Госбанк по статье «оплата проектно-сметной документации по рекультивации гидроотвалов», но в графике движения машин эта дата висела пустотой. Ни один «КамАЗ» в тот вторник к весовой не подходил, Валет в табеле расписался за простой оборудования, а на седьмой тупик не подали ни одного порожнего полувагона. Металла под эти деньги не существовало.

Дверь кабинета скрипнула, и в комнату, тяжело шаркая стоптанными ботинками, вошел капитан Жуков. Пальто его было расстегнуто, воротник пиджака смят, а под воспаленными, налитыми кровью веками залегла серая тень. Он бросил на угол стола помятую пачку «Беломора» и оперся кулаками о столешницу.

— Завязывай, Алексей, — хрипло, с нажимом сказал капитан. — Бросай счеты. Следственная бригада из областной прокуратуры уже в дежурке сидит, протоколы выемки требует. Людей шатает от усталости. Зимин приказал к утру сдать все четыре тома в канцелярию следственного отдела. Каждая минута на счету, а ты тут запятые выискиваешь.

— Не сходятся концы, Виталий Леонидович, — я не поднял взгляда от страницы, прижимая линейку к столбцу цифр. — Вот итоговый баланс Лапшина по списанию магнезита. Вот наличные расчеты Реброва. Все тридцать шесть ящиков тантала закрыты до копейки еще в первой декаде месяца. А шестнадцатого числа со счета кооператива уходит шестьдесят четыре тысячи. Кому? За что?

Жуков раздраженно дернул плечом:

— Да какая разница? Лапшин крутил обналичку через пять разных контор. Мало ли за что они переводили: за солярку, за запчасти для автобазы, за водку для грузчиков на перевалке.

Следствие само разберется, это их хлеб. Наше дело было вагон перехватить и сеть прикрыть. Мы задачу выполнили. Складывай папки.

— На водку по безналу шестьдесят тысяч не списывают, — я перевернул желтый лист расчетной ведомости и указал карандашом на нижнюю строку. — Смотри сюда. Назначение платежа: «Возврат средств по договору номер сорок восемь». Но сорок восьмой договор у них проходил по поставке щебня для ремонта заводской плотины. Щебень они закрыли взаимозачетом еще в августе. А эти деньги ушли напрямую на целевой спецсчет в Лениногорском отделении Промстройбанка. Ни к одной партии тантала, меди или свинца этот платеж не привязан. Это отдельная ветка. Чистая наличность, выведенная из оборота в обход Махсуда.

Капитан нахмурился. Он медленно наклонился к столу, щурясь от яркого света лампы, и провел широким, заскорузлым пальцем по строке с проводкой. Его лицо, еще минуту назад казавшееся маской тупого утомления, подобралось, взгляд старого сыщика стал цепким и недобрым.

— Черт побери... — глухо уронил Жуков. — Действительно мимо кассы. Тленшин про этот счет на допросе ни звука не выдал. Значит, бухгалтер мимо директора бабки крутил.

Он помолчал, тяжело дыша мне в затылок, затем хлопнул ладонью по столу:

— Ладно, инженер. Твоя взяла, копаться стоило. Только не засиживайся до вторых петухов. Дожимай выписку и дуй домой, пока трамваи окончательно не встали. Утром Зимин сам решит, приобщать этот хвост к делу или отдать в городскую прокуратуру по линии ОБХСС.

Капитан повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дерматиновую дверь.

Я снова остался один в кабинете. Тишина накатила с удвоенной силой, разбавленная лишь мерным гулом высоковольтной подстанции за окном.

Я подтянул к себе корешки платежных поручений, приколотые канцелярской скрепкой к оборотной стороне банковской карточки. На третьем листе, под синим прямоугольным штампом лениногорского филиала, стояла подпись получателя наличных средств по чеку серии АВ. И рядом, убористым почерком операционистки, была выведена фамилия лица, предъявившего паспорт для получения денег.

Воропаев И. С.

Я замер, держа палец на шершавой бумаге. Память инженера сработала мгновенно, перебирая в памяти сотни карточек оперативного учета, протоколов допросов и сводок наружного наблюдения, которые прошли через мои руки за этот месяц.

Фамилии Воропаева в деле не было.

Она не звучала на бобинах прослушки, где металлы шифровали женскими именами. Ее не называл перепуганный скупщик Хаким в гаражном ангаре. Ее не было в расписках кладовщика Михалыча, по ночам открывавшего засов спецпакгауза. И самое главное — этой фамилии не оказалось в блокноте, куда Ситников в салоне казенной «Волги» под страхом расстрельной статьи вписывал свою милицейскую агентуру.

Я отложил ордер в сторону. Рука потянулась к чистому рапорту, но я остановился. Интуиция, выработанная за месяцы работы в Комитете, подсказывала: эту фамилию нельзя сейчас отдавать в общую канцелярскую опись. Если влить ордер Воропаева в четыре тома «Металлистов», завтра утром он уйдет к прокурорским следователям, растворится среди сотен накладных на строительный бой и будет похоронен вместе с финскими счетами Реброва.

Я поднялся из-за стола, накинул шинель и подошел к тумбе с черным городским аппаратом. Было уже без двадцати одиннадцать вечера. Пальцы нащупали холодный эбонитовый диск.

Номер Жукова отозвался длинными, глухими гудками. Трубку на том конце подняли только после шестого звонка. В мембране послышался сонный, хриплый голос капитана, перебиваемый надсадным кашлем курильщика.

— Алло. Кто говорит?

— Виталий Леонидович, это Громов, — негромко сказал я, прикрывая трубку ладонью от пустых стен кабинета. — Извините, что домой. Вопрос срочный.

В трубке послышался шорох зажигалки, затем капитан шумно выпустил дым:

— Ты с ума сошел, старлей? Из кабинета по городскому проводу звонишь. Мало тебе закрытой сети? Что стряслось?

— Мне нужна одна справка, — ответил я, игнорируя раздражение в его голосе. — Фамилия Воропаев вам что-нибудь говорит? Илья Семенович.

На том конце провода повисла тяжелая, вязкая пауза. Слышно было, как на кухне у Жукова капает вода из незакрытого крана и как потрескивает табак в папиросе. Когда капитан заговорил снова, его голос звучал подчеркнуто ровно, почти равнодушно — с той фальшивой ленцой, за которой оперативники обычно прячут внутреннюю настороженность.

— Воропаев?.. Мало ли Воропаевых по городу бегает. На свинцовом заводе начальник транспортного цеха был с такой фамилией, еще в горкоме какой-то инструктор сидел. Почему спрашиваешь?

— Он снял шестьдесят четыре тысячи со счета Лапшина, — сказал я прямо. — Лично. По паспорту, в Лениногорске. Дата совпадает с отправкой первой партии тантала на Челябинск. В материалах «Металлистов» его нет.

Жуков снова замолчал. Пауза длилась так долго, что я успел подумать, будто связь оборвалась на городской станции. Но затем в трубке раздался тяжелый, прерывистый вздох.

— Твою мать, Громов... Ну откуда ты его выкопал?

— Значит, знаете? — зацепился я.

— Знал бы — не спал бы спокойно, — зло бросил капитан. Голос его стал глухим, наждачным. — Был этот деятель в оперативных материалах. Давно. Еще при прежнем руководстве Управления, году в восемьдесят седьмом. Только фамилия у него тогда была совсем другая. И занимался он ровно тем же самым — качал редкоземельные металлы с Ульбы под видом технологических потерь.

— Как его звали?

— Не по телефону, Алексей, — жестко оборвал Жуков. — И упаси тебя бог вписать этот ордер в опись для следственного отдела. До утра положи бумагу к себе в сейф. Ни Зимину, ни дежурному — никому ни слова. Завтра ровно в восемь утра я буду в управлении. Принесу одну папку из оперативного архива. Сам все увидишь.

Трубка на том конце с сухим стуком опустилась на рычаги.

В восемь утра город за окном тонул в плотном, едком сернистом тумане, сквозь который фары редких служебных автобусов пробивались мутными желтыми пятнами. В кабинете было по-прежнему холодно. Я сидел за столом, положив перед собой злополучный банковский ордер с подписью Воропаева, когда дверь распахнулась.

Жуков вошел быстро, не здороваясь, и сразу защелкнул английский замок на двери. Лицо капитана было серым, небритые щеки казались ввалившимися, а под мышкой он нес старую, истертую до дыр картонную папку с выцветшими матерчатыми завязками. На корешке химическим карандашом стоял архивный шифр 1987 года и выцветший штамп «Литерное дело».

Капитан подошел к столу, сдвинул в сторону пустые чайные стаканы и бросил ношу перед моим носом.

— Смотри, инженер. Только быстро. Пока коридоры пустые.

Я развязал тесемки. Внутри лежало с десяток пожелтевших машинописных листов на ломкой бумаге. Сверху — анкета специальной проверки сотрудника закрытого цеха Усть-Каменогорского металлургического завода. С черно-белой фотографии на меня смотрел мужчина лет сорока: гладко зачесанные назад темные волосы, тонкие губы, тяжелый, прямой взгляд человека с высшим техническим образованием.

В графе «Фамилия, имя, отчество» значилось: Шестаков Илья Семенович. 1948 года рождения, уроженец Свердловска, кандидат технических наук, ведущий специалист отдела редких и рассеянных элементов.

— Читай протокол, — Жуков ткнул прокуренным ногтем во второй документ.

Я перевернул страницу. В восемьдесят седьмом году Шестаков проходил по делу о недостаче двухсот килограммов гидрооксида тантала в третьем цехе. Схема была до боли знакомой: завышение норм технологического угара при восстановительной плавке, фиктивные акты списания шлама и вывоз концентрата за периметр завода в бочках из-под машинного масла.

Но меня интересовало не описание кражи. Я перевел взгляд в нижний правый угол объяснительной записки, написанной рукой Шестакова, и положил рядом вчерашний банковский ордер кооператива «Импульс».

Два документа легли вплотную под свет лампы.

Подписи совпали до микрона.

Тот же самый резкий вертикальный наклон в начале росчерка, словно удар зубила по металлу. Та же широкая петля в середине, плавно переходящая в горизонтальный хвост с глубоким нажимом на конце. Человек мог получить новый паспорт, сменить фамилию, женившись на чужой вдове, или купить чистый бланк в паспортном столе за три тысячи рублей. Но моторику руки, выработанную за двадцать лет подписывания чертежей и формуляров строгой отчетности, изменить было невозможно.

Воропаев и Шестаков были одним лицом.

Я поднял глаза на Жукова. Капитан стоял напротив, сунув руки в карманы брюк, и тяжело смотрел на раскрытую папку. В его взгляде не было профессионального азарта. Там читалась лишь глухая, въевшаяся в кости горечь старого солдата, который снова видит перед собой минное поле, на котором уже однажды подорвался.

— Шестаков... — негромко произнес я. — Он сменил фамилию три года назад. И остался в обойме. Только теперь не сам бочки через проходную катит, а принимает безнал от Лапшина.

— Хуже, — Жуков наклонился к столу, понизив голос до свистящего шепота. — Дело восемьдесят седьмого года не дошло до суда. Посмотри последнюю страницу. Постановление о прекращении производства.

Я перевернул листы. В конце дела лежал бланк на бледной синей копирке: «Уголовное дело номер сорок один прекратить за отсутствием состава преступления. Материалы сдать в архив». И круглая гербовая печать.

— Почему прекратили? — спросил я, чувствуя, как внутри натягивается холодная пружина. — Тут же доказательная база железная. Образцы металла, показания водителей, тайник в гараже...

— Потому что из Москвы позвонили, — отрезал Жуков, и челюсти его сжались так, что на висках вздулись синие жилы. — Лично из следственного управления КГБ Союза. Сказали: Шестаков ведет закрытую тему по заданию министерства, трогать его запрещено категорически. Все вещдоки вернуть на завод, расписки уничтожить, оперативную группу распустить. Нам тогда рот заткнули так, что мы пикнуть не посмели. А через полгода Шестаков уволился с комбината, растворился, и вот теперь выплыл в Лениногорске. С новым паспортом, под фамилией Воропаев. И снова сидит на миллионных проводках.

Дверная ручка дернулась. Раздался резкий щелчок замка — кто-то снаружи настойчиво нажал на планку. Через секунду в дверь сухо и требовательно постучали.

Жуков среагировал мгновенно: сгреб архивную папку со стола, но спрятать ее не успел. Ключ в замке повернулся снаружи своим оборотом — у руководства отдела были дубликаты от всех кабинетов.

На пороге стоял подполковник Зимин.

Начальник отдела был при полном параде: выглаженный серый китель, плотно затянутый галстук, в руке — папка из тисненой кожи для доклада генералу. Его цепкий, холодный взгляд за долю секунды оценил обстановку: запертую изнутри дверь, нервную позу Жукова, стоящего посреди комнаты с пыльной серой папкой в руках, и меня, застывшего у стола над банковскими ордерами.

— Что здесь происходит? — голос Зимина прозвучал сухо, без крика, но от этого тона в комнате стало еще холоднее. — Почему заперто? Жуков, что это у тебя в руках?

Подполковник шагнул в кабинет, не снимая кожаных перчаток, и остановился в двух шагах от капитана, буравя взглядом выцветшую картонную обложку.

— Докладывайте. Почему материалы не в канцелярии? Прокурорская группа полчаса ждет внизу. Что за бумаги?

Жуков не отвел взгляда. Он медленно опустил папку на край стола, прикрыв ее широкой ладонью, и выпрямился, принимая служебную стойку.

— Моя личная инициатива, товарищ подполковник, — глухо, раздельно произнес капитан. — Поднял старое отказное дело по третьему цеху УМЗ за восемьдесят седьмой год. Сверял технологические схемы хищений. Хотел проверить, не использовал ли Лапшин старые наработки по списанию шлама.

Зимин прищурился. В морщинах вокруг его рта залегла тяжелая, неприязненная складка. Он подошел к столу вплотную, скользнул взглядом по корешку папки с архивным шифром, затем перевел тяжелый, давящий взор на меня.

— Личная инициатива, значит? — подполковник медленно стянул перчатку с правой руки. — В восемь утра, за закрытыми дверями, пока следственный отдел с ног сбивается в ожидании описи? Вы кого за дурака держите, капитан? Вы оба?

В комнате повисла вязкая, опасная тишина. Было слышно, как в коридоре гулко хлопают двери и звучат торопливые шаги офицеров.

Зимин протянул руку к архивной папке, но Жуков не убрал ладони с картона. Секунду их взгляды скрестились, как два клинка. Подполковник не стал применять силу. Он медленно отдернул руку, застегнул пуговицу на манжете кителя и сделал шаг назад к выходу.

— Запомни, Жуков, — негромко, чеканя каждый слог, произнес Зимин. — Самодеятельности в моем отделе не будет. Дело «Металлисты» закрыто на уровне Реброва и передается следствию в том объеме, который утвердил генерал Тургумбаев. Все лишние бумаги... любые старые грехи, которые вам вздумалось вытащить на свет божий, — останутся там, где они лежали.

Он взялся за дверную ручку, обернулся и бросил через плечо:

— Через десять минут опись должна лежать в спецканцелярии. А с тобой, Виталий, мы поговорим отдельно. После совещания у генерала. На ковре.

Дверь захлопнулась. Шаги начальника отдела удалились по паркету коридора и затихли у лестничного пролета.

Я стоял неподвижно, чувствуя, как в груди закипает глухая, злая ярость. Все расчеты, вся логика расследования, которой меня учили на комбинате и в Высшей школе КГБ, летели к чертям собачьим.

Я повернулся к Жукову, шагнув к нему через разделявший нас стол:

— Зачем вы соврали Зимину?

Капитан не ответил сразу. Он подошел к окну, достал из пачки папиросу, чиркнул спичкой и жадно затянулся, пуская сизый дым в форточку.

— Зачем? — повторил я, повысив голос. — Если Шестаков — связной... если он сидит на обналичивание денег Лапшина и прямо сейчас находится в Лениногорске, его надо брать! Брать санкцию, поднимать группу и блокировать счета! Это же прямая нить к тем, кто санк-

ционировал вывоз тантала! Почему вы спрятали папку? Надо идти к генералу! Прямо сейчас, через голову Зимина!

Жуков резко повернулся. Лицо его перекосило от бешенства, в глазах вспыхнул темный, недобрый огонь.

— К генералу?! — прошипел капитан, шагнув ко мне вплотную и обдав едким табачным перегаром. — К какому генералу, сопляк?! К Тургумбаеву, который вчера своими руками запер в сейф финский контракт Долинского?! Ты что, до сих пор не понял, во что мы вляпались?!

Он шлепнул ладонью по архивной папке так, что взметнулась пыль:

— Ты меня спрашиваешь, почему я соврал?! А я тебе скажу! В восемьдесят седьмом я был таким же ретивым бараном, как ты! Я Шестакова за жабры взял прямо на складе, у меня в сейфе лежало три килограмма танталового порошка с его пальцами! Я орал начальнику управления, что доведу дело до расстрельной статьи, что раскрою воровскую шайку в главке! И знаешь, что произошло дальше?

Капитан скривил губы в страшной, мучительной усмешке:

— Мне позвонил человек из Москвы. Ласково так спросил: «Капитан Жуков, у вас дочка в первый класс пошла? Супруга в поликлинике работает? Не надо ломать судьбу семье, капитан. Закройте производство, сдайте в архив и забудьте эту фамилию навсегда. Родина вам спасибо скажет». И я закрыл. Я смалодушничал, проглотил эту дрянь, подписал постановление о прекращении и положил папку под сукно. Я пять лет с этой гнилью в душе живу! Каждое утро в зеркало смотрю и плюнуть хочется!

Жуков тяжело перевел дыхание, бросил окурок в пустую консервную банку на подоконнике и оперся руками о батарею, опустив голову.

— Я думал — время было такое, система давила, приказ партии... — глухо заговорил он, глядя в пол. — А теперь смотрю на твой банковский ордер и понимаю: ничего не изменилось. Только аппетиты выросли. Тогда Шестаков воровал килограммами, а теперь крадет эшелонами. И если мы сейчас положим эту папку на стол Тургумбаеву или Зимину — нас не просто пошлют подальше. Нас сотрут в порошок. Шестакова предупредят через полчаса, он сядет на поезд до Москвы или уйдет через границу, а нас с тобой сделают крайними за развал оперативной разработки.

Он поднял голову. В его красных, воспаленных глазах стояла такая безысходная, загнанная пустота, от которой перехватывало дыхание:

— Я не хочу повторять эту ошибку, Алексей. Не хочу снова своими руками закрывать дело на этого ублюдка. Но и наверх я с этим не пойду. Потому что там, наверху, сидят те же самые люди, которые пять лет назад снимали трубку и спасали Шестакова от тюрьмы. Кому ты верить собрался в этой цепочке? Зимину? Тургумбаеву? Министрам в Алма-Ате? Скажи мне, инженер, кто из них не продал эту страну с потрохами? Назови хоть одно имя!

Я стоял напротив него, сжимая в пальцах желтый банковский чек.

Мне нечего было ему ответить.

Техническая логика расследования, которой я так гордился, разбилась о чугунный тупик реальности. Система не просто дала сбой — она сама породила этот механизм расхищения, сама расставила предохранители, и сама охраняла воров от тех, кто должен был их ловить. Мы с Жуковым стояли в холодном кабинете, держа в руках обрывки чужих преступлений, и между нами впервые пролегла трещина — глубокая, невидимая черта между долгом офицера и пониманием того, что государству, которому мы присягали, наша правда больше не нужна.

— Забирай опись, — тихо, не глядя мне в глаза, сказал капитан, пряча архивную папку Шестакова во внутренний карман шинели. — Сдавай материалы прокурорским. Без этого чека. Делай, что приказано. А с Воропаевым... с Воропаевым мы разберемся сами. Если доживем до понедельника.

Глава 2

Глава вторая.Референдум

Март принес в город тяжелую, водянистую оттепель. За двойным стеклом кабинета с крыши управления с монотонным стуком срывались тяжелые капли, пробивая в сером, пропитанном сажей сугробе глубокие черные воронки.

Жуков стоял у форточки, прислонившись лбом к планке рамы. От него пахло дешевым табаком и остывшим чаем. Капитан не оборачивался уже минут двадцать. Он смотрел вниз, на проспект, где колыхалась темная, плотная толпа.

— Опять орут, — не поворачивая головы, глухо обронил он. Папироса в углу его рта едва тлела, кроша серый пепел на подоконник. — С восьми утра связки рвут.

До третьего этажа сквозь сырой мартовский воздух долетали не слова, а рваный, гулкий гул. Через два колокольных репродуктора хриплый, простуженный голос призывал рабочих сказать твердое «да» обновленной федерации. Чуть в стороне, прямо на трамвайных путях, стояла другая кучка — человек сорок в серых ватниках и драповых пальто. Над ними качался кусок упаковочного картона на черенке от лопаты: «Суверенитет — наше право!», выведенный красным суриком.

Мимо них, не глядя ни на плакаты, ни на милицейский уазик у гастронома, медленно тянулась длинная, в четыре ряда, очередь за молоком. Женщины в пуховых платках стояли неподвижно, прижимая к груди пустые трехлитровые баллоны в сетках-авоськах, как осадные орудия.

— В воскресенье пойдут голосовать, — сказал Жуков. Он наконец повернулся, потер пальцами красные, воспаленные веки и подошел к столу. — Всю область на уши поставили. В горкоме столы ломятся от директив: обеспечить явку, не допустить эксцессов, разъяснить историческую ответственность. А в цехах второй месяц получку гвоздями выдают. На свинцовом мужики вчера мастера в шлаковую яму чуть не спустили за то, что талоны отоварить не смогли.

— Референдум через три дня, Виталий Леонидович, — я пододвинул к нему расшифровку счетов лениногорского кооператива «Кварц». — Им сейчас не до талонов.

— Думаешь, удержит? — Жуков усмехнулся одними углами тонких губ. Усмешка вышла сухой, безжизненной. — Бумажка с типографской печатью? Поставит слесарь крестик за Союз — и на следующий день в магазинах масло появится? Или эшелоны перестанут грабить?

Он опустился на скрипнувший стул напротив меня, бросил окурок в жестяную банку из-под сардин и постучал заскорузлым пальцем по папке Воропаева:

— Вот твоя страна, Алексей. На столе лежит. Тридцать четыре проводки через лениногорское отделение Госбанка. Пока они на площадях митингуют да суверенитеты на весах взвешивают, Шестаков-Воропаев под шумок третий склад редкоземельных концентратов вычищает. Ему этот референдум — как слепому фонарь. Даже удобнее: милиция на избирательных участках порядок бдит, прокуратура за листовками бегает, начальство в кабинетах трясется, ждет, в какую сторону ветер из Москвы дунет. Бери — не хочу.

Я посмотрел на вычерченную мной схему. За полтора месяца подпольной работы, которую мы вели на свой страх и риск, скрывая хвосты от Зимина и областной следственной группы, контур Воропаева прояснился до мельчайших деталей.

Шестаков не просто сменил фамилию. Он создал замкнутую систему по перекачке заводского фонда в частные карманы. Работал он теперь не через скупщиков цветмета, а через лениногорский филиал объединения «Каззолото» и карманный кооператив «Кварц». Схема была математически строгой: рудоуправление списывало технологический осадок после флотации как отходы третьей категории опасности, не подлежащие переработке. Затем кооператив выку-

пал этот «мусор» по цене щебня — сорок две копейки за тонну. А в осадке сидел тантал, висмут и индий, вымытый из полиметаллических руд обогатителями. Вывозили ночью, в обход всех станционных постов.

— Накладные на последнюю партию подписаны шестым марта, — сказал я, прижимая палец к строке. — Четыре платформы. Семьдесят тонн обогащенного шлака. Металла там чистым весом — тонны на две с половиной. В документах груз значится как минеральный балласт для дорожного строительства в Алтайском крае.

— Куда уйдет? — Жуков прищурился.

— В Барнауле перегрузят в крытые вагоны, оформят как экспортный контракт российско-германского предприятия и выгонят через Брест. Воропаев сидит в Лениногорске, на ведомственной базе у рудника. Сам контролирует погрузку.

Капитан тяжело вздохнул, достал из кармана сплюснутую пачку «Беломора», но зажигать не стал — только покрутил папиросу в желтых от табака пальцах.

— Воропаев... — негромко протянул он. — Пять лет назад у него в глазах собачий ужас стоял, когда я его в кабинете допрашивал. Дрожал, как мокрый суслик, плакал, просил детей не сиротить. А теперь — кандидат наук, коммерческий директор совместного предприятия, в кармане мандат внештатного эксперта Верховного Совета республики. Ты видел подпись на пропуске в закрытую зону?

— Зампред облисполкома, — кивнул я.

— То-то и оно. Зампред. Который в воскресенье будет стоять на трибуне перед рабочими и вещать про неделимую советскую родину, а в понедельник поедет в Алма-Ату открывать валютное представительство.

Жуков встал, подошел к сейфу, достал графин с мутной водопроводной водой и налил полстакана. Вода пахла хлоркой и железом. Он выпил залпом, скривился и вытер рот рукавом пиджака.

— Вот сидим мы с тобой, старлей, — заговорил он медленно, глядя в темное дно стакана. — Два дурака в погонах. Охраняем закон, которого уже нет. Закон шестьдесят первого года листаем, где за хищение в особо крупных расстрел прописан. А в республике на днях приняли постановление: республиканская собственность имеет приоритет перед союзной. Знаешь, что это значит на нормальном русском языке?

— Знаю, — ответил я. — Это значит, что если Тургумбаев подпишет постановление на арест Воропаева по союзной статье, областной прокурор завтра вынесет протест.

— Он не протест вынесет, — резко бросил капитан. — Он позвонит прокурору и прикажет нас в подвал спустить за превышение служебных полномочий и срыв межреспубликанских поставок. Понимаешь ты своей инженерной головой, куда мы идем? Дело не в том, чтобы Шестакова за руку поймать на платформе. Поймать — дело сорока минут. Ствол в зубы, браслеты на запястья — и в багажник. А дальше что? Кому ты его сдавать будешь? В какую прокуратуру? Союза? Ее ликвидируют через полгода. Республики?

Я промолчал. Возразить было нечего.

За годы работы с системами автоматики я привык, что прибор подчиняется законам термодинамики и электротехники: если подать напряжение на катушку реле, сердечник втягивается. Всегда. Независимо от того, кто сидит в Кремле и какая погода на улице. Но система, внутри которой мы существовали сейчас, потеряла опорные точки. У нее плавал ноль. Каждый элемент схемы начал вырабатывать собственное напряжение, игнорируя команду с центрального пульта.

Я вспомнил свой утренний поход. Возле гастронома на проспекте Металлургов толпа чуть не перевернула автофургон с надписью «Хлеб». Водитель, парень лет двадцати пяти в ушанке, орал из кабины, тыча монтировкой в лица баб: «Не повезу в магазин! Мне на базе велели половину в кооперативную пекарню сбросить, там живыми деньгами платят!». И никто

не вызвал милицию. Никто не стал грозить народным контролем. Мужики в очереди просто молча сплевывали под ноги, а одна бабка с костылем крестила колеса фургона и причитала, как на похоронах.

Власть уходила из города не со стрельбой и штурмами — она вытекала по капле, как тормозная жидкость из перебитой трубки. Ее просто переставали замечать.

— Нам нужно брать его до воскресенья, — сказал я, глядя Жукову в переносицу.

Капитан медленно поднял брови:

— До референдума?

— В субботу ночью, на подъездных путях станции Лениногорск. Состав формируют в двадцать три ноль-ноль. Четыре вагона с обогащенным шлаком прицепят к грузовому номер три тысячи триста четыре. Если мы не снимем Воропаева на погрузке, в воскресенье начнется голосование. Избирательные участки откроют в семь утра. Вся милиция уйдет на усиление, в горотделе останется один дежурный инвалид, а железнодорожная комендатура получит приказ пропускать эшелоны без досмотра, чтобы не сорвать график движения по Транссибу. К понедельнику руда уйдет за пределы области.

Жуков подошел к столу, оперся о него тяжелыми, вздутыми от жил кулаками и наклонился ко мне:

— А санкция, Громов? Зимин приказ Тургумбаева наизусть помнит: дело закрыто на Реброве. Если мы дернемся в Лениногорск без ведома начальника отдела — это трибунал. Дезертирство с оперативного дежурства, самовольное применение оружия и срыв правительственных директив. Нас с тобой даже слушать не станут. Разжалуют к чертовой матери, выбросят на улицу без пенсии, а дело Воропаева сожгут прямо в дежурке.

— Зимин завтра уезжает в Семипалатинск, — ответил я ровно. — На зональное совещание по обеспечению безопасности референдума. Тургумбаев весь день будет сидеть в обкоме партии на спецсвязи с Алма-Атой. Дежурным по управлению заступает майор Кривошеев из третьего отдела. Он нам не указ, у него своих забот полон рот — караулы проверять да бюллетени охранять.

— Ты спятил, Алексей, — тихо, почти без злости сказал Жуков. — Чистый технарь. Собрал цепочку на бумаге и думаешь, что мир по твоим проводам побежит. А если Воропаев не один будет? Если там охрана комбината с автоматами? Ты в кого стрелять будешь? В вохровцев, у которых дети в Лениногорске от голода пухнут?

— У охраны нет автоматов, — я достал из нижнего ящика стола сложенную вчетверо оперативную карточку. — Я говорил со Смирновым из транспортного отдела. На ведомственной ветке дежурят двое сторожей с карабинами образца сорок четвертого года. Патроны под расписку, по пять штук на смену. Они за бутылку технического спирта сами вагоны опечатают и глаза закроют. Воропаев берет с собой только водителя и грузчиков из кооператива. Он уверен, что прикрыт сверху.

В кабинете снова повисла тишина. С улицы донесся звон трамвайного колокола — вагон наконец пробился сквозь толпу у проходной. Хриплый голос из репродуктора смолк: видимо, в фургоне сел аккумулятор. За стеной, в соседнем кабинете второго отдела, мерно и сухо стучала пишущая машинка — кто-то строчил очередную сводку о политических настроениях трудящихся для доклада в республиканский центр.

Жуков долго смотрел на меня. В его серых, налитых кровью глазах мелькнула странная искра — не страх и не решимость, а та холодная, смертельная тоска, которая бывает у тяжелораненого зверя перед последним броском.

— Понимаешь ведь, — заговорил он совсем тихо, с трудом ворочая пересохшим языком, — что даже если мы его возьмем... даже если вагон вернем на комбинат... спасибо нам никто не скажет. Ни обком, ни Москва, ни эти крикуны с картонными щитами. Для них мы менты,

псы режима, чекистская контра. Скажут: зажали инициативу честного кооператора, сорвали конверсию оборонного предприятия.

— Понимаю, — сказал я.

— И погоны снимут.

— Снимут.

— И страны, которой ты присягал, к осени может не остаться.

Он ткнул пальцем в сторону окна, где над серыми заводскими корпусами висел бурый, удушливый смог:

— Посмотри туда, старлей. Они же рвут ее на куски. Каждый тащит в свою нору. В Киеве кричат — наше зерно, в Баку — наша нефть, здесь — наш свинец и наш уран. Армию делят, флот делят, на складах офицеры сапоги продают, чтобы семьям картошки купить. А ты хочешь удержать четыре платформы со шлаком? Ради чего? Ради красного флага над горсоветом, который через полгода снимут и тряпкой половой бросят?

— Не ради флага, Виталий Леонидович, — ответил я, и голос мой прозвучал глухо, упав в пустоту промерзшей комнаты. — Флаг можно перекрасить. Вывеску на здании управления можно сменить за одну ночь. Завтра они объявят здесь суверенное государство, послезавтра введут собственные купоны вместо рублей. Но если мы позволим вывезти эти четыре вагона... если закроем глаза на Шестакова, как закрыли пять лет назад... тогда забора больше нет. Совсем.

Я поднялся со стула, подошел к настенной карте области и провел пальцем по тонкой красной нитке железнодорожной ветки, терявшейся среди отрогов Алтайских гор:

— Если рухнет физический учет на складах, города не будет. Будет базар, где тантал продают на вес рядом с мороженой картошкой. И стрелять начнут прямо на перекрестках. Мы здесь сидим не для того, чтобы Союз спасать. Мы держим периметр, потому что больше его держать некому. Приказ сверху — фикция. Законы — фикция. А две тонны стратегического металла на платформе — это факт. И пока у нас есть табельное оружие и удостоверения с красной корочкой, этот металл со станции не уйдет.

Жуков не ответил. Он медленно подошел к своему стулу, взял пачку папирос, чиркнул спичкой. Огонек осветил его глубокие морщины, ввалившиеся щеки и серую, трехдневную щетину на подбородке. Капитан выпустил густую струю дыма прямо в жестяной плафон лампы.

— Машину где возьмем? — спросил он деловито, словно мы обсуждали обычную рутинную проверку продовольственного склада.

— У Смирнова во «Вторресурсах» есть дежурный бортовой «ГАЗ-53», — ответил я, чувствуя, как отпускает тугая пружина в груди. — На ходу, бак полный. Я договорился: он оставит машину за гаражами базы на Красина с ключами под ковриком.

— Оружие?

— Два табельных «Макарова». Из оружейки брать автоматы нельзя — дежурный сразу рапорт наверх пустит. Обойдемся пистолетами.

Жуков тяжело хмыкнул, бросил спичку в банку и аккуратно, кончиками пальцев, завязал тесемки на архивной папке Шестакова.

— Ладно, инженер. Твоя взяла. В субботу в двадцать один ноль-ноль встречаемся у переезда за шестым цехом. Оденься по-рабочему. Возьми брезентовую куртку и сапоги покрепче.

Он спрятал папку во внутренний карман расстегнутого пальто, похлопал по груди ладонью и направился к выходу. У самой двери капитан остановился, взялся за медную ручку и обернулся через плечо:

— А на референдум в воскресенье сходи, Алексей. Обязательно сходи.

— Зачем? — не понял я.

— Бюллетень на память сохрани, — в голосе Жукова не было иронии, только горькая, спокойная усталость. — Детям потом покажешь. Скажешь: была такая страна, Союз Советских

Социалистических Республик. Я в ней инженером работал, металл охранял. А потом пришла весна девяносто первого года — и земля под ногами растаяла.

Дверь щелкнула английским замком. Шаги капитана прозвучали по паркету коридора, удалились к лестнице и затихли.

Я остался один. В кабинете сгущались ранние весенние сумерки. За окном перестал капать с крыши мартовский дождь — подморозило, и лужи во дворе затянуло тонкой, хрусткой коркой свинцового льда. На проспекте гасли редкие фонари, экономя скудное городское электричество.

Где-то далеко, за черными силуэтами заводских труб, гудел тяжелый грузовой состав, пробиваясь сквозь мерзлую ночь в сторону Рубцовска. Время работало против нас. Стрелки на казенных настенных часах с тяжелым маятником отсчитывали последние часы государства, чьи законы мы еще пытались исполнять на этой заброшенной окраине гибнущей империи.

Два снаряженных магазина к «ТТ», армейский фонарь в прорезиненном корпусе и склеенная из четырех листов карта Лениногорского железнодорожного узла уже лежали в брезентовом планшете на краю стола. До выхода оставалось сорок минут.

За глухими деревянными гаражами молотил на холостых оборотах дежурный «ГАЗ-53» с брезентовым тентом. Маршрут до Лениногорска был просчитан до километра: уйти по объездной мимо постов ГАИ, срезать через перевал и к полуночи выйти к третьему тупику обогатительной фабрики. Там, на эстакаде шлакоотвала, Шестаков-Воропаев лично пломбировал крытые вагоны под погрузку цинкового кека, в который подмешивали концентраты редких земель. Мы должны были взять его прямо на эстакаде — чисто, без шума и погони, пока накладные лежали в кармане его дубленки.

Дверь кабинета распахнулась без стука. На пороге стоял дежурный по управлению в застегнутом на все крючки кителе, держа в пальцах узкую бумажную полосу срочной телефонограммы с диагональной красной полосой по диагонали.

— Жуков, Громов, — бросил дежурный, не глядя на нас. — Приказ начальника Управления номер ноль сорок два. Распишитесь в получении.

Капитан Жуков медленно отложил спичечный коробок, перехватил бланк и быстро пробежал глазами типографские строчки. Я стоял рядом, чувствуя, как внутри мгновенно сжимается тугая пружина инженерной настороженности. Такие предписания с красной полосой шли только в двух случаях: объявление боевой тревоги или введение режима чрезвычайного положения.

— Всё, Алексей, — глухо произнес Жуков, опуская бумагу на край стола. — Суши весла. Машину в гараж, бойцов в казарму. Лениногорск отменяется.

— Как отменяется? — я шагнул вперед, выдергивая телефонограмму. — Эшелон под парами! Завтра утром вагоны уйдут на Барнаул, а оттуда рассосутся по союзной сети! Мы этот рейс три недели высчитывали!

— Глаза разуй, старлей, — Жуков ткнул тяжелым ногтем в жирный машинописный шрифт. — Всесоюзный референдум о сохранении СССР. Шестнадцатое, семнадцатое марта. Приказ председателя республиканского КГБ: весь личный состав переводится на казарменное положение. Круглосуточное усиление. Охрана избирательных участков, режимных объектов и узлов связи. Любое перемещение за пределы управления без письменного предписания Тургумбаева — трибунал. Дезертирство в условиях выполнения правительственного задания особой важности. Ты хочешь под статью пойти?

Бумага пахла свежей типографской краской и сырым казенным клеем. В правом нижнем углу стояла размашистая, влажная гербовая печать и жесткая подпись начальника Управления. Система закрывала створки. Страна готовилась решать, жить ей дальше или исчезнуть, и перед

этим гигантским политическим маховиком наша охота за ворованным танталом выглядела для генералов песчинкой под гусеницей танка.

— Виталий Леонидович, — я понизил голос, сжав кулаки так, что побелели костяшки. — Это же спланированный слив. Шестаков знает про референдум. Он знает, что в эти двое суток на дорогах не будет ни одного оперативного заслона, потому что всех ментов и комитетских загонят стеречь урны для голосования! Вагоны уйдут под шумок плебисцита!

Жуков подошел к подоконнику, достал папиросу, чиркнул спичкой и долго, не мигая, смотрел на дрожащий язычок пламени. Лицо его в серых сумерках кабинета казалось вытесанным из старого потемневшего дуба. Он медленно выпустил дым в узкую щель форточки, повернулся ко мне и произнес удивительно спокойно, почти равнодушно:

— Не поехали — и ладно.

— Что значит «и ладно»?! — взорвался я. — Мы теряем единственный выход наверх! Шестаков уйдет с деньгами кооператива, и дело ляжет в архив!

— А то и значит, — отрезал капитан, гася спичку о край жестянки. — Приказ есть приказ. Сказано охранять урны — будем охранять урны. Сдавай патроны дежурному, забирай предписание на избирательный участок номер семьдесят два. Дворец культуры строителей в промзоне. С восьми вечера заступаем на парный пост. И не рычи, Громов. Целее будешь.

В фойе Дворца культуры строителей пахло мокрой штукатуркой, дешевой масляной краской и хлоркой, которой технички заливали дощатые полы. Огромное, гулкое помещение бывшего ведомственного клуба напоминало полустанок перед эвакуацией: на облупленных колоннах висели выцветшие кумачовые транспаранты «Да — обновленному Союзу братских народов!», а под ними на длинных канцелярских столах сиротливо белели стопки отпечатанных на серой бумаге бюллетеней.

В центре зала, стояли две фанерные урны, опечатанные сургучными лепешками. Город за широкими витражными окнами вымер: комбинат сбросил смену, трамваи встали в депо, и только промозглый мартовский ветер швырял в темные стекла колючую крупу пополам с сажей металлургических печей.

Мы сидели на продавленном дерматиновом диване в дальнем углу фойе. Капитан Жуков застегнул шинель до самого подбородка, надвинул шапку на лоб и делал вид, что дремлет, но я видел, как под прикрытыми веками непрерывно двигаются его зрачки. Мой табельный пистолет давил на ребра под форменным кителем.

В половине третьего ночи тишина в пустом здании треснула.

Звук был коротким, почти незаметным для уха постороннего: глухой металлический скрежет в дальнем конце коридора, где находился пожарный выход во внутренний двор промбазы. Так звучит стальной лом, аккуратно поддевающий старую дверную накладку.

Жуков не вздрогнул. Его рука просто скользнула под полу шинели, нащупывая рукоять оружия. Он открыл глаза и коротко кивнул мне в сторону боковой галереи, ведущей к подсобкам.

Мы двинулись бесшумно, ступая по резиновой дорожке в полумраке выключенного фойе. За поворотом коридора тянуло сквозняком и сырым уличным холодом. В темноте служебного тамбура копошилась темная, приземистая фигура.

Человек действовал торопливо, но уверенно. Он уже отжал хлипкий висячий замок на тяжелой дубовой двери и теперь протискивался внутрь, волоча за собой объемистую брезентовую сумку на ремне. От него несло не водкой, а резким, въедливым запахом бензина и хозяйственного мыла.

— Стоять, — тихо, прямо в затылок вошедшему, произнес Жуков.

Мужчина дернулся, попытался развернуться, взмахнув правой рукой, но я уже шагнул вперед на опережение. Короткий, сухой захват за предплечье, резкий рычаг кисти вниз и жесткий толчок коленом под основание бедра. Незнакомец хрипнул, потерял равновесие и глухо

впечатался лицом в крашеный бетонный пол. Я навалился сверху, прижав его лопатки коленом и мгновенно заломив вторую руку за спину.

— Тихо, сука, — выдохнул Жуков, наступая кованым сапогом на брошенную сумку. — Дёрнешься — башку проломлю.

Задержание заняло ровно четыре секунды. Ни выстрелов, ни криков. В пустом Дворце культуры даже эхо не проснулось.

Мы втащили задержанного в комнату дежурного администратора и захлопнули дверь на щеколду. Жуков щелкнул выключателем настольной лампы, направив косой желтый луч прямо в лицо арестованного.

Перед нами сидел щуплый, небритый парень лет двадцати пяти в засаленной стеганой куртке и стоптанных кирзовых сапогах. Лицо серое, прыщавое, глаза бегают по углам с тем мутным, животным страхом, который бывает у мелких базарных щипачей. Зубы его мелко выбивали дробь.

Жуков вытряхнул содержимое его брезентовой торбы прямо на письменный стол.

Две полулитровые бутылки из-под «Московской» водки, заткнутые промасленным тряпьем. Внутри плескалась мутная желтоватая жидкость — смесь низкооктанового бензина и отработанного моторного масла. Две пачки охотничьих спичек в непромокаемой пленке. И толстая стопка листовок, отпечатанных на ротапринте слепым фиолетовым шрифтом: призывы бойкотировать «кремлевский сговор», поджигать избирательные участки и встречать утро «свободного Казахстана» на баррикадах.

— Классика жанра, — брезгливо констатировал капитан, поддев бутылку пальцем. — Поджог урн, паника на промзоне, сорванное голосование. А потом вой по иностранным радиоголосам о массовом протесте рабочего класса. Кто надоумил, сопляк?

Парень вжался в спинку казенного стула, судорожно сглатывая слюну:

— Мужики... начальники, не губите! Мне сто рублей дали! Сказали — кинешь в окно, чиркнешь и ходу через забор! Я не партийный, мне мать кормить нечем, талоны третью неделю отоварить не могу...

— Кто дал? — я шагнул ближе, нависая над столом. — Фамилия? Где встречались?

— Не знаю я фамилии! — взвизгнул парень, закрывая голову руками. — На автовокзале мужик подошел в кожане! Сказал, у ДК всё открыто будет, менты мешать не станут, они предупреждены!

Жуков не слушал его причитаний. Он методично вспарывал складным ножом подкладку брезентовой сумки. Лезвие с сухим треском взрезало просмоленный шов, и на зеленое сукно стола выпал узкий продолговатый листок, вырванный из школьной тетради в клетку.

Капитан развернул его, поднес к лампе, и лицо его мгновенно окаменело.

Я заглянул через его плечо.

На листке аккуратным, мелким почерком штабного писаря были выведены три адреса избирательных участков в Октябрьском районе. Напротив каждого стояли временные интервалы: «ДК Строителей: 02.30 — 03.15». А в самом низу, подчеркнутый красным карандашом, значился бортовой номер милицейского патруля: «УАЗ 44-12 ВКО. Экипаж снят на прикрытие узла Защита. Сектор свободен».

Воздух в маленькой комнатушке словно замерз.

Номер 44-12 принадлежал дежурной машине оперативного отдела горотдела милиции. Того самого отдела, которым до недавнего ареста руководил подполковник Ситников.

— Ситников в изоляторе, — тихо, одними губами произнес я, глядя на ровные строчки. — А система работает без него.

— Она не просто работает, инженер, — Жуков медленно свернул листок вчетверо и спрятал его в карман кителя. — Она страхует сама себя. Одни поджигают клубы, другие под этот шум отгоняют милицейские посты, а третьи...

Капитан не договорил. Он бросил тяжелый, колючий взгляд на перепуганного поджигателя:

— Закрой его в архиве, Алексей. На висячий замок. Оформим протокол после открытия участка. Никуда этот клоп не денется.

В семь утра тяжелые дубовые двери Дворца культуры распахнулись. В фойе, стряхивая мокрый снег с серых пальто, потянулись первые избиратели — пожилые рабочие, женщины из котельной, мастера ночных смен. Люди шли молча, с серыми, осунувшимися лицами, доставали помятые паспорта, брали узкие бюллетени и опускали их в фанерные ящики. Никаких оркестров, никаких праздничных речей. Страна делала свой исторический выбор в тяжелом, похоронном молчании под надзором невыспавшихся контрразведчиков.

Я сидел неподвижно, уставившись в шершавое сукно стола. Внутри всё клокотало от бессильной, ядовитой ярости. Мы опоздали. Расчет сошелся с точностью до десятой доли процента: пока мы караулили фанерные ящики с бюллетенями и вязали жалкого провокатора со смесью бензина и мыла, эшелон с концентратом тантала на миллионы инвалютных рублей спокойно пересек государственную черту. Шестаков-Воропаев снова ускользнул, растворившись на бескрайних просторах трещащей по швам империи, оставив нам только пепел и протоколы допросов стрелочников.

Жуков стоял у окна, глядя на редкую цепочку людей, тянувшихся к избирательному участку сквозь грязную снежную кашу.

— Ты всё еще злишься, Алексей? — не оборачиваясь, спросил капитан. Голос его звучал глухо, с той тяжелой, могильной усталостью, которая приходит после проигранного сражения.

— А вы нет? — резко ответил я. — Мы держали его в руках, Виталий Леонидович. Держали! А нас связали этим референдумом, как щенков!

Жуков медленно повернулся. Лицо его было бледным, под глазами залегли темные круги, но взгляд оставался ясным, пугающе трезвым.

— А теперь включи свои инженерные мозги и просчитай схему на два хода вперед, — жестко, чеканя каждое слово, произнес он. — Представь: мы не подчинились приказу. Плюнули на референдум, прыгнули в «ГАЗ-53» и рванули ночью в Лениногорск. Вышли на третий тупик, положили охрану мордой в щебень, скрутили Воропаева. Без санкции Зимина. Без приказа Тургумбаева. На голом оперском упрямстве.

Он ткнул пальцем в сторону урн:

— И в этот самый момент здесь, на ДК Строителей, этот сопляк швыряет бутылку в окно. Избирательный участок полыхает. Бюллетени сгорают. Рабочие на промзоне выходят на стихийный митинг, срывают смену на бериллиевом. В город входит республиканский ОМОН, объявлено чрезвычайное положение. И первое, что делает городская прокуратура, это проверяет журнал дежурств Управления КГБ. Где были офицеры Жуков и Громов? Почему бросили охрану государственного плебисцита?

Капитан подошел ко мне вплотную, тяжело оперевшись кулаками о столешницу:

— Нас приняли бы там же, на путях в Лениногорске. Те самые менты, которые сняли с маршрута патрульный «УАЗ». Нас объявили бы заговорщиками, сорвавшими правительственный референдум ради грабежа союзного эшелона. Ни Тургумбаев, ни Зимин и пальцем бы не пошевелили, чтобы нас вытащить — генерал сам бы подписал ордер на наш арест, чтобы прикрыть собственную задницу перед Алма-Атой. И эта бумага, — Жуков шлепнул ладонью, — легла бы нам на стол обратной стороной. В обвинительном заключении военного трибунала. Нас сгноили бы в Карлаге до конца жизни, старлей. Вылетели бы из органов с волчьим билетом к обеду, а к вечеру сидели бы в соседних камерах с Махсудом.

Он замолчал, шумно переводя дух. В комнате снова стало слышно, как за стеной глухо скрипят деревянные половицы под ногами избирателей.

— Не поехали — и ладно, — повторил Жуков, и в голосе его впервые прорезалась не злость, а горькая, беспощадная мудрость старого волка. — Сама судьба тебя за воротник удержала. Мы живы, погоны на плечах, и мы здесь. А война... война не кончилась.

Я ничего не ответил.

Возразить было нечего. Система, которую я привык считать набором строгих логических блоков, работала по законам куда более страшным, чем законы физики или математики. В ней честность наказывалась трибуналом, а предательство прикрывалось правительственными спецнарядами.

Дело было живо. Каждая улика, каждая цифра и каждый след были зафиксированы и спрятаны под замок. Но власть, которая когда-то давала нам законное право вести это дело и наказывать виновных, на глазах превращалась в призрак. За окном шел референдум, люди голосовали за сохранение великой державы, не зная, что фундамент этой державы уже вывезен за границу в товарных вагонах под прикрытием их собственных голосов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.